

Н.В. Гониная *

N.V. Gonina

Демографические процессы в малых исторических городах Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – конце 1970-х гг.**Demographic processes in historic towns of the Angara-Yenisei region in 1950s-1970s**DOI: 10.31518/2618-9100-2019-4-12
УДК 94(571.51)«1950/1980»: 314.4

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-4-12

Выходные данные для цитирования:

Гониная Н.В. Демографические процессы в малых исторических городах Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – конце 1970-х гг. // Исторический курьер. 2019. № 4 (6). Статья 12. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-4-12.pdf>

How to cite:

Gonina N.V. Demographic processes in historic towns of the Angara-Yenisei region in 1950s – 1970s // Historical Courier, 2019, # 4 (6). Article 12. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-4-12.pdf>

Abstract. Active migration processes change the picture of demographic dynamics in industrial centers, but in historical towns the migration does not have such an impact. Consider the dynamics of the data used in estimating the demographic transition during the period between the 1959 and 1979 censuses, on the materials of three historical towns of the Angara-Yenisei region: Yeniseisk, Minusinsk and Nizhneudinsk.

When referring to the dynamics of population, primarily against the background of the rapid growth in the number of residents of regional centers (Krasnoyarsk, Irkutsk) and young industrial towns (Bratsk, Divnogorsk), the stability of the population of small historical towns is noticeable.

The policy of centralization and industrialization has a stronger influence on the dynamics of numbers than the economic and geographical position. Thus, the northern Yeniseisk and Kirensk, show a higher population growth than the southern Minusinsk and Nizhneudinsk located on the Trans-Siberian highway.

General processes of fertility decline in the 1960s – 1970s were influenced by the consequences of the Great Patriotic War and the demographic transition that has been observed in the region since the mid-1970s. They have an impact on small historical cities, as well as others. Of great importance is the policy of priorities. But there is a certain local specificity.

Historic towns initially experienced higher birth and death rates. Then fertility rates started declining and by 1980 equaled to the average for the region. Mortality rates, on the contrary, are growing and remain higher, which is not typical for the third stage of the demographic transition. The departure of young people from cities during the period under review is compensated by the influx from rural areas, so the migration exchange has mostly positive indicators, and there is no noticeable aging of the population of historical cities, although the proportion of older people is slightly higher. At the same time, each town has its own characteristics.

For example, in Minusinsk, the proportion of seniors is much larger, and this indicator tended to increase. It can be assumed that the reason is more favorable natural conditions that contribute to longevity.

Keywords: demography; historic town; Angara-Yenisei region; birth rate; mortality.

* Гониная Наталья Владимировна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск, Россия), e-mail: nvg7@mail.ru

Gonina Natalia Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of History and Political Science, Krasnoyarsk State Agricultural University (Krasnoyarsk, Russia), e-mail: nvg7@mail.ru

The article has been received by the editor on 12.05.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Активные миграционные процессы меняют картину демографической динамики в индустриальных центрах, но в малых исторических городах миграционный обмен не оказывает такого воздействия. Рассмотрим динамику данных, используемых при оценке демографического перехода в период между переписями 1959 и 1979 гг. на материалах трех исторических городов Ангаро-Енисейского региона: Енисейска, Минусинска и Нижнеудинска.

При обращении к динамике населения в первую очередь на фоне стремительного роста числа жителей региональных центров (Красноярск, Иркутск) и молодых индустриальных городов (Братск, Дивногорск), заметна стабильность населения малого исторического города.

Политика централизации и индустриализации оказывает более сильное влияние на динамику численности, чем экономико-географическое положение. Так, северные Енисейск и Киренск, показывают более высокий прирост населения, чем южный Минусинск (до строительства Электрокомплекса) и расположенный на транссибирской магистрали Нижнеудинск.

Общие процессы спада рождаемости в 1960–1970 гг. под влиянием последствий Великой отечественной войны и демографического перехода, который наблюдается в регионе с середины 1970-х гг. оказывают влияние на малые исторические города, равно как и на другие. Большое значение имеет политика приоритетов. Но есть и определенная местная специфика. В малых исторических городах изначально наблюдался более высокий уровень рождаемости и смертности. Затем показатели рождаемости снижаются и к 1980 г. уравниваются до средней по региону. Показатели смертности, наоборот, растут и остаются более высокими, что не характерно для третьей стадии демографического перехода. Выезд молодежи из городов в рассматриваемый период компенсируется притоком из сельской местности, поэтому миграционный обмен имеет преимущественно положительные показатели, а заметного постарения населения исторических городов не наблюдается, хотя доля пожилых здесь несколько выше.

В то же время каждый город имеет свои особенности. Например, в Минусинске доля пожилых заметно больше, и данный показатель имел тенденцию к росту. Можно предположить, что причиной являются более благоприятные природные условия, способствующие долголетию.

Ключевые слова: демография; малый исторический город; Ангаро-Енисейский регион; рождаемость; смертность

* * *

Демографические процессы в городах – один из аспектов глобальных проблем современности. Этот кластер настолько сложен, что не может быть рассмотрен в рамках однофакторного или монодисциплинарного исследования. Поэтому данной проблематикой занимаются большие научные коллективы, в которых представлены специалисты разных отраслей. Однако среди них практически нет историков. В итоге это дает искусственное «осовременивание» проблемы. То есть вопросы решаются в ситуационном режиме, в то время как их сложность требует изучения процессов не только в пространстве, но и во времени. В случае же использования исторического материала, что сегодня достаточно часто делают культурологи, социологи и географы, работа с ним носит чисто прикладной характер и это убивает значительную долю потенциала исследования.

Историки в тоже время сами создают полидисциплинарные работы в области городской демографии, самым ярким примером являются труды научного коллектива Сектора историко-

демографических исследований Института истории СО РАН¹. В течение 30 лет учеными разрабатывается тема демографического развития Сибири. Рассмотрены общие вопросы методологии и источниковедения темы. Интересна эволюция исследовательской методологии, когда от изучения демографической политики в целом авторы постепенно переходят к аспектам ее локальных результатов, а затем к изменению самого научного дискурса и углублению в социальную историю. Наиболее перспективной признана концепция демографической модернизации, в которой собственно политике остается мало места. Более того, обосновывается тезис о негативных последствиях политических манипуляций в отношении демографических процессов. Подробно изучена специфика использования данных переписей советского периода, данных текущего учета, метрических книг. Заметим, что это очень важно для молодых исследователей, так как работа со статистическими источниками требует навыков объединения количественных и качественных методов исследования. Особенное внимание уделено изучению проблем миграций, одной из самых сложных тем исторической демографии. Выявлена специфика сибирских демографических процессов в контексте демографической истории страны. Наиболее полно изучен период первой половины XX века. В том числе уделяется внимание городскому населению. Характерной чертой исследовательского подхода является обобщение данных, поэтому в результате работы исследователей формируется общая картина демографической динамики Сибири, как части истории России. В тоже время новые исследовательские методики позволяют делать широкие обобщения для выхода на глобальный уровень.

С точки зрения нашей темы наибольший интерес представляют работы О.Б. Дашинамжилова. В своей новой монографии автор отдельный пункт посвящает изучению демографического развития в малых городах. Исследователь обосновывает взаимосвязь политики приоритетов в индустриальном развитии и сокращения населения в малых городах, дает очень точную характеристику возникающих в результате проблем, в частности это недостаток рабочих мест и неразвитая социальная инфраструктура. Автор также приводит систематизированные статистические данные, подтверждающие его тезисы. Очень интересны такие наблюдения, как более высокий суммарный коэффициент рождаемости и более короткая продолжительность жизни в малых городах². В тоже время важно заметить, что Одон Борисович рассматривает малые города как одинаковые элементы социально-экономической динамики, что, наверное, является особенностью Западной Сибири. Правда автор оговаривает, что показатели зависели от функционального типа города, но не раскрывает данный тезис с точки зрения социальности. В тоже время для малых городов в целом, и для Восточной Сибири в частности, характерно большое разнообразие как по экономико-географическому положению, так и по социально-историческому развитию и это отражается в содержании демографических процессов.

Большой интерес представляют недавние работы красноярских исследователей С.А. Рафиковой, Л.Н. Славиной и И.В. Копылова³. Данные авторы изучают Красноярский край и Восточную Сибирь во второй половине XX века. Д-р ист. наук С.А. Рафикова сосредотачивает внимание на социальных аспектах жизни городского населения. Специально малые города не рассматриваются, зато в ее работах очень глубоко анализируется период 1960-х гг., что ранее никто не делал на материалах нашего региона, используется сочетание

¹ Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск, 2013; Демографическая история России и регионов. Новосибирск, 2016; Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX в.). Новосибирск, 2017.

² Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: Историко-демографическое исследование. Новосибирск: Наука, Изд-во СО РАН, 2018. С. 79–102.

³ Рафикова С.А., Копылов И.В. Изучение репродуктивного поведения: от метода – к инструменту // Вопросы. Гипотезы. Ответы: Наука XXI века. 2017. С. 52–68; Копылов И.В., Славина Л.Н. Демографическая политика в Красноярском крае в 1960–1980-х гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2014. № 3 (29). С. 149–153.

количественных и качественных методов и особое внимание уделяется истории и демографии семейных отношений, что также уникально. Труды д-ра ист. наук Л.Н. Славиной для нашей работы важны в качестве методологической и методической основы, так как в последние годы она отошла от изучения демографии села и перешла к исследованиям обобщающего характера. Оценка тенденций и ошибок демографической политики в Красноярском крае не вызывает сомнений и наши выводы полностью ей соответствуют. Публикации аспиранта И.В. Копылова посвящены демографическим аспектам социальной истории городов Красноярского края. Вклад автора заключается в разработке динамики рождаемости и введении в научный оборот комплекса документов по здравоохранению, в том числе медицинской статистике. В тоже время автор рассматривает города как единое целое, не уделяя внимания специфике малых городов. Он также демонстрирует незнание локальной истории, допуская серьезные ошибки. Таким образом, для историков очень важно не только выполнить типологию и классификацию городов, но и провести социально-демографический анализ жизни малого исторического города, чтобы заполнить имеющиеся лакуны и исключить ошибки в последующих исследованиях.

Основным вниманием урбанистов традиционно пользуются большие массы населения. Поэтому рассматривается либо город как явление в целом, либо мегаполисы. Малый город изучается гораздо реже. В тоже время большинство городов в мире – малые. К российским малым городам обычно относят населенные пункты городского типа с населением менее 50 тыс. человек. По переписи 2010 г. они составляют 70 % городских населенных пунктов России и в них проживают примерно 16,5 млн человек⁴. В середине рассматриваемого периода, в 1970 г. в РСФСР такие города составляли 75 %, в них проживало 22 % городского населения. В Восточной Сибири этот показатель был несколько выше – 76 % и 26 % соответственно⁵.

С точки зрения современности, как и с позиций исторического развития, малый город играет не менее важную роль, чем крупный. Если крупнейшие города имели в первую очередь значение как узлы глобальных и государственных процессов, то малый город представляет собой фокус развития локальной территории и выполняет роль посредника между городскими и сельскими поселениями⁶. Малые неиндустриальные города сегодня с точки зрения экологии более комфортны, чем крупные промышленные центры, а развитие интернета и транспортных сетей позволяет решить вопросы удаленности. Упадок малых городов в нашей стране – это следствие советской политики централизации и индустриализации, а не показатель их бесперспективности. Ряд видных ученых, в том числе главный научный сотрудник института истории естествознания и техники (ИИЕТ РАН) д.б.н. Анатолий Георгиевич Назаров, подчеркивают перспективы развития малых городов России в будущем⁷.

Изучая малый город Восточной Сибири, специалисты по социальной и демографической истории следуя за Г.Ф. Куцевым⁸, сосредотачивали внимание на молодых индустриальных городах, как основных точках роста. В результате города-новостройки стали самой популярной темой социологических исследований, в то время как остальные города практически оставались в тени. Малый неиндустриальный исторический город исследовался

⁴ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/>; Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. сб. / Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2011; Проблемы развития малых городов. СПб., 2011.

⁵ Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1300. Оп. 7. Д. 114. Л. 24.

⁶ *Никифорова Л.Ю.* О роли малых городов в экономическом пространстве региона // Известия СПбГЭУ. 2014. № 3 (87). С. 31–34.

⁷ *Назаров А.Г.* Малые города России: становление, развитие, историческая судьба. URL: <http://old.ihst.ru/~biosphere/03-1/mal-GOR.htm>

⁸ *Куцев Г.Ф.* Новые города. М., 1982; *Чернова Ю.В.* Новые города Иркутской области (1950–1980 гг.). Историческое исследование. Иркутск : дис.... канд. ист. наук, 2002; *Реут Г.А.* Становление и развитие г. Железногорска (Красноярск-26) – закрытого административно-территориального образования атомной промышленности, 1950–1991 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2002.

намного меньше преимущественно в социокультурном контексте на материалах XVIII–XIX вв., когда эти города также проходили пик своего социально-экономического развития и малыми не являлись.⁹ В итоге у нас нет целостного представления об истории малого сибирского города в XX в. Причем этот пробел в научных исследованиях заполнен краеведческими и литературными произведениями, что с одной стороны создает основу для мифологизации исторических явлений, а с другой стороны формирует определенный «комплекс неполноценности» для жителей малых неиндустриальных городов. Возникает неправомерное представление, что изучения достойны только общегосударственные процессы политического и экономического характера, а локальная история и частная жизнь не представляют интереса.

В 1950-х–1970-х гг. жизнь малого неиндустриального города была достаточно однообразной. Здесь не было великих строек, ярких исторических событий, притока капиталовложений и товаров, развития благоустройства. Сюда не приезжали комсомольцы-строители, популярные деятели театра и кино, государственные персоны. Город хранил традиционный образ жизни, сложившийся еще в XVII–XVIII вв. На первом месте был труд на земле, уход за домашними животными. Тайга и река по-прежнему были важным источником доходов – дикоросы, дичь, пушнина, рыба. Занятость мужчин сосредотачивалась вне города: в лесной и золотодобывающей промышленности, либо на стройках и северных вахтах. В городе рабочих мест было мало, а зарплаты были низкими. Особенно от этого страдали женщины и молодежь. Исторические памятники, не получая финансовой поддержки, постепенно ветшали и утрачивали привлекательность, а с ней и общественный интерес. Учебные заведения ограничивались школами и одним – двумя техникумами, тогда как в обществе рос интерес к получению высшего образования. В итоге молодежь старалась уехать в региональный центр или на крупную стройку и не стремилась вернуться обратно. Поэтому здесь не было и значительного прироста населения, а в отдельных случаях наблюдалось его сокращение.

Однако стабильность жизни может быть интересна для изучения не менее чем активная динамика. Ведь если активные миграционные процессы значительно меняют демографическую картину в индустриальных центрах, то в малых городах миграционный обмен не оказывает такого воздействия. В качестве предварительного исследования рассмотрим динамику данных, используемых при оценке демографического перехода в период между переписями 1959 и 1979 гг. на материалах трех малых исторических городов Ангаро-Енисейского региона: Енисейска, Минусинска и Нижнеудинска. Эти города объединяет период основания – XVII–XVIII век, относительно близкая численность населения, отсутствие крупного производства и строительства в рассматриваемый период. Начало периода определяется началом нового этапа индустриализации, который вовлекает большинство восточносибирских территорий в бурное экономическое развитие. Ангаро-Енисейский регион получает крупные капиталовложения. В Красноярском крае и Иркутской области строятся крупнейшие ГЭС и ГРЭС, организуются крупные лесопромышленные комплексы и нефтедобывающие предприятия, увеличивается объем лесозаготовок и золотодобычи, развивается транспортная сеть от новых грунтовых дорог до регулярных авиамаршрутов местного и государственного значения. В регион направляют тысячи молодых добровольцев-строителей. Однако выбранные нами города оказываются в стороне от этого бурного роста. Они не получают ни денег, ни людей ни благоустройства. Более того, рядом с каждым из указанных городов в конце периода вырастает город-новостройка или крупное предприятие, оттягивающее население в трудоспособном возрасте. Как же будут проходить демографические процессы в таких условиях? Интересно и то, что города

⁹ Кискидосова Т.А. Город Енисейск во второй половине XIX – начале XX века // Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России. Омск, 2013. С. 135–140; Алисов Д.А. и др. Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск, 2014.

находятся в разных природно-климатических зонах и разных точках относительно транссибирской магистрали, что позволяет оценить взаимосвязь динамики населения и экономико-географического положения.

Конец 1970-х – начало 1980-х гг. является значимым рубежом в истории малых исторических городов, так как в их жизни происходят радикальные изменения: рядом с Енисейском вырастает молодой Лесосибирск, куда переводят лесоперерабатывающее предприятие и учебные заведения; в Минусинске начинается строительство Электрокомплекса; в Нижнеудинске закладывается завод зданий контейнерного типа. Включение исторических городов в индустриальные процессы меняло их внешний облик, способствовало притоку мигрантов и росту жилищной застройки, развитию инфраструктуры, что положительно влияло на демографическую ситуацию.

Рассмотрим динамику рождаемости и смертности, а также показателей естественного и миграционного прироста с целью выявления особенностей демографической динамики в социуме малого неиндустриального города. Уже общая оценка динамики численности населения выявляет местную специфику (См. Таблицу 1.).

Таблица 1

**Динамика численности населения в отдельных городах
Ангаро-Енисейского региона за 1959–1979 гг. (тыс. чел.)***

Город	1959	1970	1979	% прироста 1979 к 1959
Красноярск	412,3	648,1	796,3	93,1
Дивногорск	6,9	25,9	28,9	318,8
Енисейск	17,0	19,8	20,7	21,7
Минусинск	38,3	40,7	56,2	46,7
Иркутск	365,8	450,9	549,7	50,2
Братск	51,4	155,3	213,7	315,7
Нижнеудинск	38,7	39,7	41,3	6,7
Киренск	14,4	14,4	16,1	11,8

* Всесоюзная перепись населения 1959. 1970 и 1979 гг. // <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=4>;
Гонина Н.В. Динамика рождаемости в городах Иркутской области как показатель региональной специфики демографического перехода (вторая половина 1950-х – начало 1980-х годов) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2015. Иркутск, 2015. С. 536–544.

В первую очередь на фоне стремительного роста числа жителей региональных центров (Красноярск, Иркутск) и молодых индустриальных городов (Братск, Дивногорск), заметна относительная стабильность динамики населения малого исторического города. При этом политика приоритетов промышленного строительства может резко нарушить баланс. Особенно ярко это можно увидеть на примере исторического города Минусинска, население которого под влиянием строительства крупного предприятия (Электрокомплекс) за 10 лет выросло на 38 %. Политика индустриализации оказывает более сильное влияние на динамику численности, чем экономико-географическое положение. Так, северные, неблагоприятные для проживания города Енисейск и Киренск, демонстрируют более высокий прирост населения, чем южный Минусинск, где до строительства Электрокомплекса прирост составлял 6,2 % и расположенный на транссибирской магистрали Нижнеудинск – 6,7 % за весь период. Причина увеличения численности населения северных городов – развитие лесной и золотодобывающей промышленности. Однако данный механический приток практически не оказывал влияние на динамику рождаемости и смертности, так как рабочие места находились за пределами города, а по окончании контракта люди уезжали из Енисейска.

Миграционные процессы в малых исторических городах можно охарактеризовать как промежуточный этап миграционного обмена в масштабах региона. Суммарная численность прибывших за год не велика (1–3 тыс. чел.), и обычно близка к количеству выбывших.

Преобладал приток из сельской местности и выезд в крупные города и на новостройки. В целом население рассматриваемых городов было стабильно, основную долю перемещений, как заметили Ж. Зайончковская и В. Переведенцев, давала плохая приживаемость новоселов. К этому можно добавить работу по краткосрочным контрактам (обычно от года до трех) и выезд молодежи на работу и учебу, так как проблемой малых городов был дефицит рабочих мест, низкая заработная плата и отсутствие высших учебных заведений. В течение рассматриваемого периода среднегодовой миграционный прирост в Нижнеудинске и Енисейске составил 0,3 % к численности населения, в Киренске (-)3 %¹⁰. Таким образом, постоянная миграционная убыль населения фиксируется только в Киренске. Очевидно, в силу низкой плотности сельского населения в данной местности выезд молодежи из города не компенсировался притоком из села.

В Минусинске ситуация была нестабильной. В 1950-х гг. преобладал приток из села (+)4 % к численности населения. В 1960-х гг. усилился отток молодежи (-) 1,5 %. В 1970–1975 гг. отток сменился небольшой прибылью (+)0,4 % и резким приростом в 1976–1980 гг. (+)2,5 %¹¹. Однако сальдо миграции в целом (1 %) не дает показателей, которые могли бы оказать значимое влияние на демографические процессы.

Рассмотрим показатели рождаемости в регионе (См. Таблицу 2).

Таблица 2

**Динамика общего коэффициента рождаемости городского населения
в Восточной Сибири за 1960–1980 гг. (на 1 тыс. чел.)***

Регион	1960	1970	1980
РСФСР	20,5	14,8	15,8
Восточная Сибирь	27,7	17,5	19,8
Красноярский край	25,3	17,1	17,9
Иркутская область	24,5	17,4	18,8

* Николаенко Н.С. Влияние индустриального развития Иркутской области на динамику численности и состав населения. 1950–1980-е гг. Исторические аспекты : дис. Иркутск. 2004. Приложения. Таблица 42, 44; Всесоюзная перепись населения 1959. 1970 и 1979 гг.// <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=4>; Славина Л.Н. История Красноярского края в динамике роста его населения // Красноярский край – 70 лет исторического пути: материалы V краеведческих чтений. Красноярск: ГУНБ Красноярского края. 2005. С. 113; Гонина Н.В. Динамика рождаемости в городах Иркутской области ... С. 536–544.

Как видим, в течение рассматриваемого периода Восточная Сибирь дает более высокие показатели рождаемости, чем средние по РСФСР. Причем максимальные значения идут за счет неурбанизированных территорий, в первую очередь Хакасии и Тувы. Резкий спад в период 1960–1970-х гг. объясняется демографической ямой, образовавшейся в результате Великой Отечественной войны. В 1959–1970 гг. наблюдалось большое сокращение численности женщин в самом репродуктивно активном возрасте (20–29 лет). В частности, для Иркутской области, по данным В.В. Воробьева, абсолютные и относительные показатели численности этой группы снизились на 15 %, а удельный вес на 4,4 %; в Красноярском крае,

¹⁰ Архив г. Енисейска (далее АГЕ). Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 395 Л. 1–2; Д. 527. Л. 2–2об; Д. 700. Л. 7–8; Д. 855. Л. 24; Николаенко Н.С. Влияние индустриального развития Иркутской области на динамику численности и состав населения. 1950–1980-е гг. Исторические аспекты : дис. Иркутск, 2004. Приложения. Таблица 2; Всесоюзная перепись населения 1959. 1970 и 1979 гг.// <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=4>; Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964. С. 40–43, 49–54; Воробьев В.В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). Новосибирск, 1977. С. 43–44.

¹¹ АГЕ. Ф. Р-924. Оп. 1. Д. 8. Л. 1; Д. 16 Л. 1–13; Д. 125. Л. 1–13; Д. 127. Л. 1, 10, 15; Д. 127а. Л. 6; Д. 260. Л. 22; Д. 690. Л. 8–9об., 12–13об.; Р-372. Д. 543. Л. 18–19; Д. 579. Л. 4; Д. 689. Л. 9–9об.; Газета Надежда. 2002. 4 октября. С.10

соответственно – 20 % и 13,4 %¹². К 1980 г. влияние данного фактора постепенно снижается и начинается повышение коэффициента.

Рассмотрим ситуацию по отдельным городам (См. Таблицу 3).

Таблица 3

Общие коэффициенты рождаемости по отдельным городам Ангаро-Енисейского региона в 1960–1980 гг.*

	1960	1965	1970	1980
Минусинск	18,1	12,0	–	18,9
Иркутск	19,7	14,9	15,6	16,3
Нижнеудинск	27,4	16,7	27,3	19,2
Железногорск-Илимский	79,7	31,5	21,8	19,2

* Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-1827. Оп.1. Д.937. Л. 5–8, 32–42, 91–101; Долголюк А.А. Источники роста населения Братско-Усть-Илимского ТПК // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. – Новосибирск. 1989. С. 92–94; Николаенко Н.С. Влияние индустриального развития Иркутской области на динамику численности и состав населения. 1950–1980-е гг. Исторические аспекты: дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. С. 282, 285–286; Гонина Н.В. Динамика рождаемости в городах Иркутской области ... С. 536–544; Архив г. Нижнеудинска (далее АГН). Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 4, 21; Д.1 25 Л. 12; Д. 164. Л. 2; Д. 294. Л. 15; Д. 436. Л. 1; Д. 619. Л. 53; Д. 622. Л. 1; Д. 626. Л. 1; Д. 674. Л. 1, 27; Ф. 36. Оп. 1. Д. 77. Л. 1; Д. 54. Л. 1. Д. 28. Л. 1, 11; Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 1; Д. 126. Л. 1–4; Д. 295. Л. 1–4; Д. 436. Л. 1–4.

В Таблице 3 представлены два малых неиндустриальных города – Минусинск и Нижнеудинск, региональный центр – Иркутск и молодой город Железногорск-Илимский. Как видим, здесь также прослеживается демографическая яма и дальнейшая стабилизация низкого уровня рождаемости, которая приводит к выравниванию показателей исторического Нижнеудинска и молодого Железногорска-Илимского. В тоже время в Нижнеудинске наблюдается значительное превышение показателя в 1955–1960 г. и его скачок в 1970 г.¹³ Можно предположить, что на ранней стадии (учитывая, что численность населения меняется незначительно, а миграционный прирост не оказывает большого влияния) мы наблюдаем как раз фактор традиционного образа жизни. То есть вступление в демографический переход в малых исторических городах начинается позднее. С другой стороны, в 1969–1970 гг. происходит сокращение численности соседнего Алзая на 3 тыс. человек и такое же увеличение населения Нижнеудинска. Возможно, резкое повышение рождаемости дал приток мигрантов? Но, согласно архивным данным, в 1970 г. миграционный прирост Нижнеудинска составил всего 61 чел., в то время как естественный прирост был 548 чел.¹⁴ Итак мы наблюдаем высокий показатель рождаемости у постоянного городского населения, который постепенно приближается к среднерегиональному, но при этом совпадает с показателем молодого города.

В Минусинске привлекает внимание низкий показатель рождаемости, который за вычетом демографической ямы сохраняется в течение всего периода. Это не укладывается в логику влияния традиционного образа жизни. Исходя из данных источников, можно предположить, что решающую роль играло преобладание в общей массе населения Минусинска пожилых людей, в первую очередь женщин, вышедших из репродуктивного возраста¹⁵. Ситуация

¹² Воробьев В.В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). Новосибирск, 1977. С. 29–30; Гонина Н.В. Проблемы естественного воспроизводства городского населения Ангаро-Енисейского региона в условиях стремительной урбанизации во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.). Новосибирск, 2016. С. 90–95.

¹³ АГН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 4, 21; Д. 125 Л. 12; Д. 164. Л. 2; Д. 294. Л. 15; Д. 436. Л. 1; Д. 619. Л. 53; Д. 622. Л. 1; Д. 626. Л. 1; Д. 674. Л. 1, 27; Ф. 36. Оп. 1. Д. 77. Л. 1; Д. 54. Л. 1. Д. 28. Л. 1. 11. Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 1; Д. 126. Л. 1–4; Д. 295. Л. 1–4; Д. 436. Л. 1–4.

¹⁴ АГН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 294. Л. 15.

¹⁵ Архив г. Минусинска (АГМ). Ф. Р-924. Оп. 1. Д. 127. Л. 49

может быть объяснена двумя миграционными процессами. Во-первых достаточно большое количество людей проработавших много лет на Севере стремились осесть в южных районах края. Привлекательными были климат и возможность купить свой дом и держать хозяйство в черте города. С другой стороны южные районы Красноярского края в период 1960–1980 гг. стали местом реализации крупных проектов – Саяно-Шушенская ГЭС, СААЗ, КАТЭК. Новостройки привлекали молодых минусинцев. В новых городах и поселках можно было получить благоустроенное жилье и хорошую заработную плату.

Интересно, что приток большого количества мигрантов на строительство минусинского Электрокомплекса не оказал заметного влияния на динамику общего коэффициента рождаемости, хотя общее количество рождений увеличилось на 53,9 % (1979 к 1959 гг.), что соотносимо с увеличением населения (См. Таблицу 1.). То есть в Минусинске не произошло «взрыва рождаемости», характерного для молодых городов. Опираясь на соотношение общих коэффициентов за 1980 г. можно предположить, что произошел демографический переход, который практически уравнивал показатели и статус города (молодой, крупный, исторический...) уже не имеет значения. Тем более что в новых городах, основанных в 1950-х гг. (Братск, Дивногорск), также наблюдается среднерегиональное значение – 18–19 ‰. Однако в молодых городах, основанных в 1970-х гг. (Саяногорск, Усть-Илимск) по-прежнему сохраняется высокий коэффициент рождаемости от 24 до 33,5 ‰¹⁶. В тоже время он заметно ниже показателей, которые наблюдались в молодых городах в 1960-е гг. (См. Таблицу 3).

Таким образом, общий коэффициент недостаточно информативен. Поэтому необходимо обратиться к специальному коэффициенту рождаемости. В Минусинске в течение 1955–1984 гг. он движется с 71,6 до 62,8 ‰. В Енисейске, где не было резких перепадов численности населения и сохраняются стабильные показатели рождаемости, коэффициент изменяется с 82,1 до 68,9 ‰. В Нижнеудинске сдвиг составляет 103,4–64,8 ‰, причем резкий перепад приходится на достаточно короткий период с 1970 по 1975 гг. И так, несмотря на различия в динамике населения и рождаемости, местной географической и экономической специфике, по всем малым историческим городам наблюдается устойчивое снижение специального коэффициента рождаемости и его стабилизация в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Это подтверждает концепцию модернизации рождаемости.

Показатели смертности городского населения в рассматриваемый период отражают настоящую демографическую революцию. В первую очередь сокращается младенческая смертность. Особенно заметная положительная динамика приходится на 1950-е гг., когда были приняты меры по улучшению родовспоможения и педиатрии. Так в Красноярском крае только за первую половину десятилетия она снизилась на 34,3 %. Самые лучшие показатели были в Норильске – снижение на 67,4 % и почти не отставал от него Минусинск – 64,5 %. В тоже время были города, где показатели не изменились (Ужур) и даже выросли (Иланск на 5,6 %). В Енисейске снижение составило 27,5 %. В 1960-х гг. снижается общая смертность от инфекционных заболеваний¹⁷. Так как в городах были достаточно разные условия по медицинским кадрам и санитарии, можно предположить что данные процессы объясняются как и везде расширением применения антибиотиков.

На фоне снижения младенческой и инфекционной смертности наблюдался рост общего коэффициента смертности. Причем малые города представляют как бы два полюса в динамике смертности (См. Таблицу 4). В молодых городах присутствуют более низкие показатели коэффициента, в исторических городах, наоборот – более высокие.

¹⁶ Куцев Г.Ф. Новые города. М., 1982. С. 56.

¹⁷ ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 12. Д. 385. Л. 216–234; Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 3. Кн. 1. М., 2005. С. 277.

Таблица 4

**Динамика общего коэффициента смертности
городского населения 1959–1979 гг.***

	1960	1965	1970	1971	1975	1977	1979	1980
РСФСР	6,7	–	7,9	–	–	–	–	10,0
Иркутская область	6,46	6,44	7,14	–	8,11	–	9,01	9,42
Иркутск	6,9	7,4	–	8,4	–	9,0	–	–
Братск	5,7	3,9	–	4,4	–	5,2	–	–
Нижнеудинск	7,9	7,3	13,3	9,0	11,6	11,3	12,8	12,8
Красноярский край	6,8	6,8	7,8	–	8,7	–	–	9,7
Минусинск	8,6	8,7	–	–	–	–	13,3	11,1

* Николаенко Н.С. Влияние индустриального развития Иркутской области на динамику численности и состав населения. 1950–1980-е гг. Исторические аспекты : дисс. Иркутск. 2004. Приложения. Таблица 46, 54; Народное хозяйство Красноярского края в 1989 г. Красноярск. 1990. С. 19; Народное хозяйство Красноярского края в 1985 г. Красноярск. 1985. С. 7; Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 3. Кн.1. М., 2005. С. 30.

Лидирует в выборке Минусинск. Здесь самый высокий уровень общего коэффициента смертности, что объясняется более высокой долей пожилых людей. Коэффициент по Минусинску также имеет тенденцию к повышению (на 20,6 %), как и показатель по региону. Показатели смертности увязываются с ростом численности населения. Очевидно, имеет место суммирование двух тенденций: влияние общего увеличения численности населения соединяется с ростом показателя. В тоже время по сравнению с показателями по региону в Минусинске самая низкая дифференциация коэффициента смертности.

В Енисейске стабильным показателям рождаемости соответствуют статичные показатели смертности. Однако с точки зрения общего коэффициента смертности также наблюдается небольшой рост (18,2 %) соответствующий увеличению численности населения (См. Таблицу 1). В тоже время среднегодовой показатель за период 1959–1979 гг. одинаковый – 10,3.

Нижнеудинск представляет достаточно неровную динамику смертности, сочетающую чередующиеся пики и спады. Самые низкие показатели приходятся на 1960-е гг. Самые высокие, в том числе высочайшие по региону в целом – на 1970-е гг. Здесь наблюдается и самый высокий прирост коэффициента в процентном соотношении. По данным местных источников, главной причиной такой смертности является высокий уровень заболеваний туберкулезом¹⁸. Впрочем, следует заметить, что в рассматриваемых малых исторических городах показатели достаточно близки в течение всего периода и это следует признать их характерной чертой.

Для более полной картины оценим долю пожилых в общей численности населения (См. Таблицу 5).

Итак, Таблица 5 показывает, что в малых исторических городах доля пожилых людей в составе населения выше, чем в региональном центре и молодом Норильске. В Енисейске наблюдается небольшое превышение среднерегионального показателя. Для Минусинска характерно увеличение количества пожилых людей, что в свою очередь повлияло на динамику показателей рождаемости и смертности. Похожая ситуация и в Нижнеудинске, хотя

¹⁸ АГН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 294. Л. 15

показатель здесь несколько ниже (21,9 % в 1970 г.¹⁹).

Таблица 5

**Доля пожилых (50 лет и старше) в населении отдельных городов
Красноярского края 1959–1979 гг.***

	1959			1970		
	все население **	Жители 50 лет и старше	% пожилых	все население **	Жители 50 лет и старше	% пожилых
Красноярский край	1 295 804	164 822	12,7	1 829 518	271 738	14,8
Красноярск	412 362	54534	13,2	646 924	94 214	14,6
Норильск	123 513	6619	5,4	136 351	8412	6,2
Минусинск	38 317	7226	18,8	40 740	9888	24,3
Енисейск	17 047	2822	16,5	19 865	3599	18,1

* ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 7. Д. 23. Л. 5; Д. 28. Л. 7; Д. 47. Л. 1. 43, 46; Д. 51. Л. 7–10; Д. 120. Л. 66–69; Д. 131. Л. 331.

** Дана численность людей, указавших свой возраст.

Получается, что если молодые города были таковыми и по времени создания и по среднему возрасту населения, то малые исторические города, особенно южные, концентрировали пожилых. Конечно, такая параллель связана не с возрастом города, а с его экономико-географическим положением. Но есть здесь и исключение. В 1970 г. Енисейск стал городом-памятником и в нем было запрещено современное жилищное строительство, а также до него не дошла железная дорога. Все индустриальные процессы данного района, как, впрочем, и образовательные и культурные учреждения были сосредоточены в молодом Лесосибирске. Это способствовало консервации экономической и социальной жизни Енисейска, а отсутствие перспектив приводило к оттоку молодежи. Поэтому, несмотря на неблагоприятные климатические условия, Енисейск был обречен на сокращение и старение населения. Причем часть пенсионеров стремилась переехать на юг края.

В итоге можно сделать следующие выводы. Общие процессы спада рождаемости в 1960–1970 гг. под влиянием последствий Великой отечественной войны и демографического перехода, которые наблюдаются в регионе с середины 1970-х гг. оказывают такое же влияние на малые исторические города, как и на другие. Здесь также происходит сокращение рождаемости, хотя и медленнее, чем в крупных городах. Очевидно, оказывали влияние традиционный образ жизни и приток мигрантов из сельской местности.

Большое влияние на демографическое поведение имела политика приоритетов в области размещения производства и направления финансирования. Она могла радикально изменить жизнь города вне зависимости от его расположения, людности и возраста.

В тоже время присутствует определенная местная специфика. В малых исторических городах изначально наблюдался более высокий уровень рождаемости и смертности. Затем показатели рождаемости снижаются и к 1980 г. приближаются к среднему по региону, но все равно остаются выше как в масштабе края, так и в масштабе страны. Показатели смертности в малых неиндустриальных городах, наоборот, растут и остаются более высокими, что не характерно для третьей стадии демографического перехода. Причем размещение крупного индустриального предприятия в городе может несколько стимулировать рождаемость, но не оказывает влияния на уровень смертности и продолжительность жизни. Выезд молодежи из малых городов в рассматриваемый период компенсируется притоком из сельской местности, поэтому миграционный обмен имеет преимущественно положительные показатели, а заметного постарения населения исторических городов не наблюдается, хотя доля пожилых

¹⁹ АГН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 622. Л. 6–8.

здесь несколько выше.

В то же время каждый город имеет свои особенности. Наиболее интересен в этом плане пример Минусинска. Открытие нового предприятия государственного значения, большой приток мигрантов, в том числе со средним специальным и высшим образованием, строительство новых микрорайонов с современной инфраструктурой для работников Электрокомплекса, все это, по сути, создало второй Минусинск с параметрами молодого города. Старый город продолжил свое существование без заметных изменений. Эта двухъядерность отразилась на демографической динамике в виде смазанных показателей рождаемости, которые трудно интерпретировать, если не знать ситуации в городе.

Другой интересный аспект Минусинска – более высокая доля пожилых горожан и наличие заметной тенденции к росту данного показателя. Можно предположить, что причиной являются более благоприятные природные условия, привлекавшие пенсионеров.

В Нижнеудинске, единственном из трех городов, локальным фактором стала неблагоприятная инфекционная обстановка, способствующая высоким показателям смертности.

В Енисейске главная местная особенность это статус города-памятника, который накладывал ограничения на развитие инфраструктуры города. Возможно в связи с этим, Енисейск является примером самых стабильных демографических показателей.

Таким образом, следует признать, что на демографическое поведение горожан оказывают влияние две категории факторов – экзогенные и эндогенные. К экзогенным следует отнести процесс демографического перехода и государственную политику. Они могут иметь разную интенсивность и темп воздействия, соответственно будет меняться и результат. Эндогенными факторами являются локальные параметры экономико-географического и культурно-исторического характера. Обе категории находятся в диалектическом взаимодействии и формируют специфику места и времени. Особенностью демографической ситуации в малых исторических городах в рассматриваемый период был переход от определяющего влияния эндогенных факторов к экзогенным. Малые исторические города постепенно вливались в единый процесс демографической модернизации, происходило их внутреннее перерождение.

В целом представленных данных не достаточно для получения полной картины, нужно изучить процессы на более широком статистическом материале и провести сравнительный анализ относительно Западной Сибири и Европейской части России.

Литература

Алисов Д.А. и др. Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск, 2014. 330 с.

Воробьев В.В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). Новосибирск, 1977. С. 43–44.

Гонина Н.В. Динамика рождаемости в городах Иркутской области как показатель региональной специфики демографического перехода (вторая половина 1950-х – начало 1980-х годов) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2015. Иркутск, 2015. С. 536–544.

Гонина Н.В. Проблемы естественного воспроизводства городского населения Ангаро-Енисейского региона в условиях стремительной урбанизации во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.). Новосибирск, 2016. С. 90–95.

Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: Историко-демографическое исследование. Новосибирск: Наука, Изд-во СО РАН, 2018. 368 с.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX в.). Новосибирск, 2017. 350 с.

Демографическая история России и регионов. Новосибирск, 2016. 304 с.

Демографическая модернизация России. 1900–2000. М., 2006. 608 с.

Долголюк А.А. Источники роста населения Братско-Усть-Илимского ТПК // Исторический

опыт социально-демографического развития Сибири. Новосибирск. 1989. С. 92–94

Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964. С.40–43, 49–54

Кискидосова Т.А. Город Енисейск во второй половине XIX – начале XX века // Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России. Омск, 2013. С.135–140

Копылов И.В., Славина Л.Н. Демографическая политика в Красноярском крае в 1960–1980-х гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2014. № 3 (29). С. 149–153

Куцев Г.Ф. Новые города. М., 1982. 269 с.

Назаров А.Г. Малые города России: становление, развитие, историческая судьба. URL: <http://old.ihst.ru/~biosphere/03-1/mal-GOR.htm>

Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. М., 2011. Т. 3. Кн. 1. 304 с.

Никифорова Л.Ю. О роли малых городов в экономическом пространстве региона // Известия СПбГЭУ. 2014. № 3 (87). С. 31–34

Николаенко Н.С. Влияние индустриального развития Иркутской области на динамику численности и состав населения. 1950–1980-е гг. Исторические аспекты : дис. Иркутск, 2004.

Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск, 2013. 344 с.

Рафикова С.А., Копылов И.В. Изучение репродуктивного поведения: от метода – к инструменту // Вопросы. Гипотезы. Ответы: Наука XXI века. 2017. С. 52–68

Реут Г.А. Становление и развитие г. Железногорска (Красноярск-26) – закрытого административно-территориального образования атомной промышленности, 1950–1991 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2002. 280 с.

Славина Л.Н. История Красноярского края в динамике роста его населения // Красноярский край – 70 лет исторического пути: материалы V краеведческих чтений. Красноярск: ГУНБ Красноярского края, 2005. С.140–144.

Чернова Ю.В. Новые города Иркутской области (1950–1980 гг.). Историческое исследование. Иркутск : дисс.... канд. ист. наук. Иркутск, 2002.

References

Alisov D.A. Tara v XVI–XIX vekakh – rossiiskaya krepost' na beregu Irtysh [Tara in the 16th – 19th centuries – the Russian fortress on the bank of the Irtysh]. Омск: Amfora, 2014. 330 p.

Vorob'ev V.V. Naselenie Vostochnoi Sibiri (sovremennaya dinamika i voprosy prognozirovaniya) [Population of Eastern Siberia (modern dynamics and forecasting issues)] Novosibirsk: Nauka, 1977. P. 43–44.

Gonina N.V. The dynamics of fertility in the cities of the Irkutsk region as an indicator of the regional specifics of the demographic transition (second half of the 1950s – the beginning of the 1980s) // Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii yezhegodnik [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk: BSU, 2015. P. 536–544.

Gonina N.V. Problems of natural reproduction of the urban population of the Angaro-Yenisei region in the context of rapid urbanization in the second half of the 1950s – early 1980s // Aziatskaya Rossiya: problemy sotsialno-ekonomicheskogo, demograficheskogo i kul'turnogo razvitiya (XVII–XXI vv.) [Asian Russia: problems of socio-economic, demographic and cultural development (17th – 21st centuries)]. Novosibirsk: Parallel', 2016. P. 90–95.

Dashinamzhirov O.B. Gorodskoe naselenie Zapadnoi Sibiri v 1960–1980-ye gody: Istoriko-demograficheskoe issledovanie [The urban population of Western Siberia in the 1960–1980s: A historical and demographic study]. Novosibirsk: Nauka, 2018. 368 p.

Demograficheskaya istoriya Zapadnoi Sibiri (konets XIX–XX v.) [The demographic history of Western Siberia (the end of the 19th – 20th centuries.)]. Novosibirsk: Nauka, 2017. 350 p.

Demograficheskaya istoriya Rossii i regionov [Demographic history of Russia and the regions],

Novosibirsk: Nauka, 2016. 304 p.

Demograficheskaya modernizatsiya Rossii. 1900–2000 [Demographic modernization of Russia. 1900–2000]. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2006. 608 p.

Dolgolyuk A.A. Sources of population growth of the Bratsk-Ust-Ilimsk TPK // Istoricheskiy opyt sotsial'no-demograficheskogo razvitiya Sibiri [Historical experience of the socio-demographic development of Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 1989. P. 92–94.

Zaionchkovskaya Zh.A., Perevedentsev V.I. Sovremennaya migratsiya naseleniya Krasnoyarskogo kraya [Modern migration of the population of the Krasnoyarsk Territory]. Novosibirsk, 1964. P. 40–43, 49–54.

Kiskidosova T.A. The city of Yeniseisk in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries // Kultura gorodskogo prostranstva: vlast', biznes i grazhdanskoe obshchestvo v sokhraneni i priumnozhenii kul'turnykh traditsii Rossii: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. [Culture of urban space: power, business and civil society in preserving and enhancing the cultural traditions of Russia: materials of the All-Russian scientific-practical conference]. Omsk: Nauka, 2013. P. 135–140

Kopylov I.V., Slavina L.N. Demographic policy in the Krasnoyarsk Territory in the 1960–1980s // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2014, № 3 (29). P. 149–153

Kutsev G.F. Novye goroda [New cities]. Moscow: Mysl, 1982. 269 p.

Nazarov A.G. Malye goroda Rossii: stanovlenie, razvitie, istoricheskaya sud'ba [Small cities of Russia: formation, development, historical fate], available at: <http://old.ihst.ru/~biosphere/03-1/mal-GOR.htm> (accessed: 11.05.2019)

Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki [The population of Russia in the 20th century. Historical essays]. Moscow: ROSSPEN, 2011. T. 3. Kn. 1. 304 p.

Nikiforova, L.Yu. On the role of small cities in the economic space of a region // Izvestiya SpbGEHU, 2014, № 3 (87). P. 31–34.

Nikolaenko N.S. Vliyanie industrial'nogo razvitiya Irkutskoi oblasti na dinamiku chislennosti i sostav naseleniya. 1950–1980-e gg. Istoricheskie aspekty [The influence of the industrial development of the Irkutsk region on the dynamics of the number and composition of the population. 1950s–1980s Historical aspects]. PhD dissertation. Irkutsk: Irkutsk State University, 2004. 295p.

Problemy istoricheskoi demografii Sibiri [Problems of historical demography of Siberia]. Novosibirsk: Parallel, 2013. 344 p.

Rafikova S.A., Kopylov I.V. The study of reproductive behavior: from the method – to the tool // Voprosy. Gipotezy. Otveti: Nauka XXI veka [Questions. Hypotheses. Answers: Science of the 21st century]. 2017. P. 52–68

Reut G.A. Stanovlenie i razvitie G. Zheleznogorska (Krasnoyarsk-26) – zakrytogo administrativno-territorial'nogo obrazovaniya atomnoi promyshlennosti, 1950–1991 gg. [Formation and development of the city of Zheleznogorsk (Krasnoyarsk-26) – closed administrative-territorial formation of the nuclear industry, 1950–1991]. Krasnoyarsk: KGPU, 2002. 280 p.

Slavina L.N. History of the Krasnoyarsk Territory in the Growth Dynamics of its Population // Krasnoyarskii krai – 70 let istoricheskogo puti: materialy V kraevedcheskikh chtenii [Krasnoyarsk Territory – 70 years of historical path: materials of the V regional history readings]. Krasnoyarsk: GUNB, 2005. P. 140–144.

Chernova Yu.V. Novie goroda Irkutskoy oblasti (1950–1980 gg.). Istoricheskoe issledovanie [New cities of the Irkutsk region (1950–1980). Historical research]. PhD dissertation. Irkutsk: Irkutsk State University, 2002. 284 p.

Статья поступила в редакцию 12.05.2019 г.